

Вскоре появился Тяньмо, слуга Гу Яньли, и тихо постучал в дверь:

— Господа, пора обедать. Старая госпожа ждет вас.

Гу Яньли отозвался, что они сейчас придут, и потянулся, чтобы взять Бай Цианя на руки. Тот отстранился и, опираясь на руки, самостоятельно спрыгнул на пол. Гу Яньли, увидев это, почесал нос, убирая протянутые руки, но сердиться не стал.

Бай Циань понимал: раз он сегодня впервые пришел в поместье Гу, этот обед пропускать нельзя.

Гу Яньли, который уже было зашагал впереди, обернулся и замер: он увидел, как Бай Циань протягивает обе руки, чтобы его подхватил слуга!

Гу Яньли опешил: еще минуту назад тот не давался ему на руки, а теперь просится к какому-то никчемному слуге! Неужели он, Гу Яньли, не способен позаботиться о нем лучше, чем простой прислужник?

Чжулин, подхватив Бай Цианя, увидел, что Гу Яньли застыл на месте, и поспешил объяснить:

— Третий господин Янь, вы не сердитесь. Наш юный господин с детства слаб здоровьем, кабинет хоть и недалеко, но если он пойдет пешком по солнцу, то к обеду наверняка слезет с лихорадкой.

Видя, что Гу Яньли молчит, Чжулин занервничал: неужели в доме Гу такие строгие правила, что даже восьмилетнего ребенка не разрешают нести слугам?

Долгое молчание Гу Яньли погрузило всех в гнетущую тишину. Слуги семьи Гу прекрасно знали: если третий господин так долго молчит, значит, он вот-вот выйдет из себя. Никто не смел пошевелиться, опасаясь попасть под горячую руку, все втянули головы в плечи. Глядя на них, слуги семьи Бай тоже заволновались.

— Брат Гу, почему мы не идем? Нехорошо заставлять бабушку и остальных ждать, — мягко произнес Бай Циань.

Чжулин испугался, но не успел остановить господина. Он был парнем смышленным и сразу почувствовал, что атмосфера накалилась. Он боялся, что юный господин, подав голос не вовремя, лишь навлечет на себя гнев третьего господина Янь.

На удивление, после слов Бай Цианя Гу Яньли бросил на них угрюмый взгляд, но, хотя и продолжал молчать, сдвинулся с места. Слуги украдкой выдохнули и потянулись следом.

Дорога прошла в молчании: Тяньмо не смел шутить, а Чжулин не решался заговорить первым.

Бай Циань в это время обсуждал с Сяо Мэй, какой сериал посмотреть. Сяо Мэй предлагала новую серию Дней, когда я благодаря кокетству завоевала любовь 365 влиятельных господ, а Бай Циань настаивал на Введении в пикап-мастерство: достаточно одного языка.

Они оба не заметили, как Гу Яньли то и дело бросал косые взгляды на Бай Цианя. Обнаружив, что тот уютно устроился на руках у Чжулина, даже не глядя на него и не пытаясь заговорить, Гу Яньли еще сильнее насупился.

В такой странной обстановке они дошли до боковой калитки внутреннего двора. Чжулин, хоть ему было всего четырнадцать, знал порядки дома Гу и, выйдя за калитку, опустил Бай Цианя на землю, дожидаясь, пока его встретят нянюшки.

Гу Яньли тут же, не теряя ни секунды, взял Бай Цианя за маленькую ручку и строго сказал Чжулину:

— Здесь ты больше не нужен, иди обедай. Позовем, когда закончим.

Бай Циань на этот раз не стал вырывать руку: во-первых, негоже было прилюдно подрывать авторитет Гу Яньли, а во-вторых, их кажущаяся близость должна была успокоить женщин во внутреннем доме. Он кивнул Чжулину, повторив слова Гу Яньли, и тот удалился.

Выражение лица Гу Яньли заметно смягчилось. Он отослал подошедших нянюшек и, не выпуская руки Бай Цианя, повел его к резному круглому столу в обеденном зале, где уже стояли холодные закуски.

Матушка Гу и остальные, увидев, как ладят дети, просияли и поспешили усадить их рядом с собой. Когда Матушка Гу, Гу Яньли и Бай Циань расселись, за стол пригласили кузин Гу Яньли, а госпожа Шэнь и супруги дядей Гу встали рядом, чтобы прислуживать.

Служанки внесли изящные шкатулки с эмалевым узором. На столе появились хрустальная лапша трех цветов, жареные грибы, утка с восемью пряностями, запеченные голуби, салат из фазана, три вида морепродуктов и суп из горных трав — блюда были домашними, но выглядели изысканно.

Матушка Гу попробовала кусочек, и только тогда остальные взялись за палочки. За столом не было слышно ни звука.

Бай Циань чувствовал себя не в своей тарелке: в его доме обеды всегда проходили шумно, мать и тетушки сидели вместе с бабушкой, обсуждая новости и дела, к тому же он любил острое, а здесь все блюда были пресными. В прошлой жизни из-за болезни сердца он привык к диетической пище, и под конец жизни во рту у него оставался лишь привкус лекарств и антисептиков.

Это тело, хоть и слабое, вполне могло вынести немного острого, но Бай Циань не мог заставить

себя есть. К счастью, он был мал, и малое количество съеденного не привлекло внимания.

После обеда, еще до подачи чая, пришел слуга из поместья Бай — за господином прислали карету. Матушка Гу хотела задержать гостя, но Бай Циань вежливо отказался.

Госпожа Шэнь хотела было попросить Гу Яньли проводить Бай Цианя, но, увидев, что тот сидит с надутым видом, словно проглотил обиду, решила не подливать масла в огонь.

Как только Бай Циань вышел за дверь, Гу Яньли догнал его и машинально взял за руку. Слуги держались на расстоянии шага. Гу Яньли прошептал:

— Почему не останешься на ночь? Моя кровать огромная, на ней пятеро таких, как ты, поместятся.

Бай Циань ответил вполголоса:

— Я полдня не видел бабушку, нужно вернуться и засвидетельствовать ей почтение. К тому же господин Гу обещал, что я вернусь домой на карете дяди.

Гу Яньли замолчал, его шаг стал порывистым, но, испугавшись, что Бай Циань не поспеет, он замедлил ход.

У боковой калитки Чжулин снова хотел взять Бай Цианя на руки. Тот думал, что Гу Яньли на этом попрощается, но тот молча продолжал идти в сторону главных ворот. Бай Циань удивился.

У задних ворот Чжулин усадил Бай Цианя в карету, а сам пошел рядом. Внутри за господином присматривала нянюшка.

Бай Циань еще не успел устроиться, как Гу Яньли вдруг схватил его за руку. Поняв, что сжал слишком сильно, он ослабил хватку, нежно обхватив запястье мальчика.

Он наклонился и тихо спросил:

— Тебе сегодня еда не пришлась по вкусу? У нас в доме правила строгие. Завтра я велю на кухне приготовить что-нибудь для нас двоих. Будем есть в боковом кабинете, подальше от них, хорошо?

Затем, притворяясь равнодушным, добавил:

— Завтра ведь придешь? На самом деле, у меня много сил, я отлично могу носить тебя на руках, другие не нужны.

Бай Циань в душе усмехнулся: оказывается, его задело, что его посчитали слабым (Гу Яньли:

Да вовсе нет!).

Он тоже подался вперед и прошептал:

— Тогда давай завтра приготовим курицу с острым перцем? И после обеда я хочу еще.

Гу Яньли, услышав это, едва заметно улыбнулся:

— В доме есть повар, который лучше всех готовит сычуаньские блюда. Завтра же велю ему прийти на мою кухню.

Был ли в доме такой повар, его не волновало — раз он сказал, значит, завтра он будет. Гу Яньли распорядился, чтобы кучер ехал осторожнее, и только тогда отпустил руку Бай Цианя. Он смотрел вслед карете, пока та не скрылась за поворотом, и лишь тогда вернулся в дом.

Вернувшись домой, Бай Циань, словно радостный птенец, вбежал в комнату Матушки Бай. Все, увидев его оживленным, успокоились и засыпали вопросами о том, как прошел день в поместье Гу.

Бай Циань выбирал только хорошее: рассказывал, как добра к нему старая госпожа и госпожа Шэнь, а потом, закусив губу, добавил, что и старший брат из семьи Гу тоже был с ним очень мил.

Госпожа Линь подшутила:

— А вчера еще переживал, волновался, а оказалось — зря. Ты так сдружился с молодым господином Гу.

Матушка Бай тоже рассмеялась:

— Раньше старший сын был не разлей вода с господином Гу, кто бы мог подумать, что и дети так поладят. И хорошо, так и должно быть.

Она внимательно посмотрела на лицо Бай Цианя, убедилась, что нет ни тени принуждения, и наконец успокоилась, велев нянюшке отвести ребенка умыться и отдохнуть.

Когда Бай Циань ушел, женщины семьи Бай продолжили беседу.

Матушка Бай вздохнула:

— Раньше, глядя на Янь-гэ, я думала: не любит учиться, озорник, да и только. С такой энергией, что хоть небо проткни, он доводил отца до белого каления. Кто бы мог подумать, что

он так сойдется с нашим Анем.

Она вдруг рассмеялась и сказала госпоже Линь и госпоже Лю:

— Помню, когда старшая невестка была беременна Анем, врачи, монахи и даосы — все твердили, что будет девочка. Старая госпожа из того дома даже шутила, что надо бы сосватать детей. Кто же знал, что родится мальчик. Сегодня они так смотрят друг на друга, если бы Ань был девочкой, точно была бы отличная пара.

Все рассмеялись и разошлись.

Госпожа Линь, вернувшись в свою комнату и не застав Бай Цзиня, решила навестить сына. Она осторожно вошла в спальню, где нянюшка как раз опускала алые занавеси.

Она жестом велела нянюшке молчать, приоткрыла край полога, увидела, что Бай Циань сладко спит, задула две свечи и знаком пригласила нянюшку и Чжулина выйти.

Прислонившись к перилам коридора, госпожа Линь слушала рассказ Чжулина. Выслушав, она кивнула:

— Когда вернется старший господин, доложи ему еще раз, чтобы он не волновался. Ты сегодня устал, иди отдохни.

Затем она сказала нянюшке:

— Мне кажется, ароматический мешочек на кровати Аня уже старый. Замени его на тот, что я сделала позавчера, положи туда побольше сушеного нарда — он успокаивает. И еще, весной появилось много мелких насекомых, пригляди, чтобы они не покусали Аня.

Нянюшка пообещала исполнить все в точности, и госпожа Линь отпустила ее.

Когда служанки ушли, рядом осталась только доверенная помощница. Госпожа Линь не спешила уходить и тихо заговорила:

— Ань учится во внешнем дворе, пусть там и нет прислуги, но иногда приходится заходить во внутренние покои, а Чжулин туда войти не может. Брать с собой нянюшку боюсь — в доме Гу найдутся те, кто начнет шептаться, мол, мы ведем себя как хозяева. Неужели в доме Гу не найдется пары рук, чтобы прислуживать? Придется дожидаться возвращения старшего господина и обсудить.

Нянюшка улыбнулась:

— Госпожа, вы слишком много думаете. Разве найдутся такие грубияны?

Госпожа Линь смахнула платком ночных насекомых и холодно усмехнулась:

— В таком большом доме не каждый может быть порядочным. Мелкие людишки не видели, как дед и отец кровью и потом зарабатывали это состояние, вот и смотрят на нас волком — ждут, когда мы оступимся. Разве вы не видите? Когда мы приходим на поклон, они на словах милы, а за спиной болтают, что мы пользуемся своим положением и тащим из их дома все, что плохо лежит. Смешно, правда? Позавчера на праздничном ужине один дурак из пришлых наговорил столько гадостей, что мужа чуть удар не хватил. Хорошо, второй дядя вмешался и припугнул его.

Нянюшка вздохнула:

— Янь-гэ из того дома сейчас так ласков с нашим Анем, боюсь, что опять начнутся сплетни. К тому же он ребенок, сегодня одно на уме, завтра другое. Когда их отношения остынут, опять поползут слухи. Лишь бы эта грязь не дошла до нашей госпожи. У нее характер — как порох, а уж если узнает, что кто-то смеет плохо говорить о ее любимом внуке, она устроит такой переполох, что мало не покажется!

Госпожа Линь почувствовала тревогу, ее брови сошлись к переносице.

— Да и пусть болтают, лишь бы это не дошло до ушей Аня. Когда он родился, все говорили, что не проживет и пяти лет, а посмотрите — он жив и здоров. Я не жду, что он станет великим ученым, лишь бы рос счастливым.

Нянюшка утешила ее:

— Это все благодаря вашей заботе. Старший господин тоже бережет его пуще глаза. Когда в доме не осталось хорошего женьшеня для лекарства, он объездил весь город, а потом поехал в дом Гу просить столетний дикий корень. Не знаю, доживу ли я до того дня, когда Ань женится и будет так же заботиться о своей жене и детях.

Услышав это, госпожа Линь, хоть и была замужем много лет, невольно покраснела:

— Перестаньте болтать, нянюшка. Вы доживете, и еще как.

Они еще немного поболтали и вернулись в свои покои.

Несколько дней подряд все шло по заведенному порядку: днем Бай Циань занимался каллиграфией с Гу Яньли, а вечером возвращался домой.

В этот день Бай Циань вчера уснул слишком рано и не посмотрел с Сяо Мэй сериал про властного генерального директора, поэтому сегодня, пока нянюшка умывала его и причесывала, он слушал, как Сяо Мэй рыдает, пересказывая сюжет.

— У-у-у, Хозяин, вчера остановились на том, как холодный тиран вырезал сердце у своей маленькой жены, чтобы отдать его Белой Лилии! А ведь она носила его ребенка! Холодный тиран безжалостно сказал: Только Белая Лилия достойна носить моего ребенка, ты — нет! И забрал ребенка из чрева жены, чтобы пересадить в чрево Белой Лилии!

Бай Циань: ?

В голове у Бай Цианя, ошарашенного таким сюжетом, крутилось только:

— Пересадить в чрево Белой Лилии... в чрево... в чрево...

Нянюшка, видя, что Бай Циань еще не проснулся, не придавала этому значения — дети всегда много спят. Она надела на него шелковые туфли и отнесла в комнату Матушки Бай к завтраку.

Как только Бай Циань вошел, Матушка Бай улыбнулась:

— Почему наш мальчик еще не проснулся? Съешь кусочек пирожного, подсласти ротик.

Бай Цзинь улыбнулся сыну:

— Я хотел сегодня сам отвезти тебя в тот дом, но Янь-гэ прислал карету еще на рассвете. Ты так крепко спал, что пришлось попросить их подождать.

Все рассмеялись. Служанка подала Бай Цианю кашу из пяти видов мяса. Бай Циань ел и про себя думал: На рассвете? Во сколько же встал Гу Яньли? Раньше петухов. Интересно, как он заставил домашних согласиться на это? Истинный своенравный ребенок.

Боясь, что те ждут, Бай Циань, едва закончив завтрак, собрался в путь. Матушка Бай велела Чжулину взять с собой кувшинчик ароматного чая из весенних почек, зеленого маша, ямса и мускуса, который они настаивали три дня. Она хотела, чтобы Бай Циань угостил им Гу Яньли.

<http://bllate.org/book/20696/2067692>